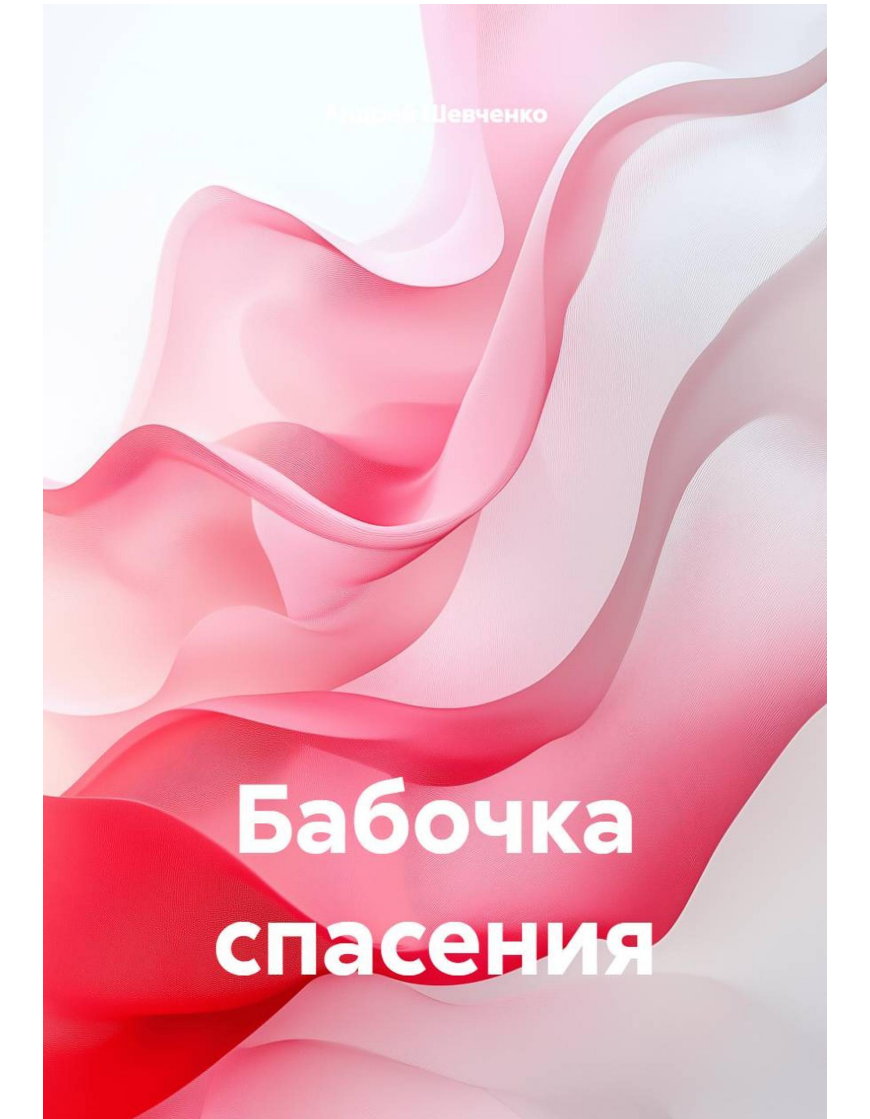

The background of the entire image is an abstract composition of flowing, wavy lines in various shades of red and pink. The colors transition from a pale, almost white pink at the top to a deep, vibrant red at the bottom. The waves create a sense of movement and depth, with some areas appearing more saturated than others.

Андрей Шевченко

Бабочка спасения

Андрей Шевченко

Бабочка спасения

<https://litres.ru/74534513>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов и притч на актуальные темы современной жизни, а также маленькая повесть "Стиснутые" (2 место в конкурсе "Добрая лира" 2016 г.)

Андрей Шевченко

Бабочка спасения

Путь солнца

- Кра-со-та! – удивлённо выдохнул он.

- Здорово! – громко согласилась она.

Оба глянули на запад и замерли на месте, поражённые огромным и ярким закатом солнца. Лица смягчились улыбками. Подъём на гору был нелёгким, но сейчас для этих людей словно погасли звуки, исчезло из вида – даже для бокового зрения – всё, что обнаружилось здесь, на вершине, и сами мысли, иные чувства, кроме восторга, растворились и уступили место любованию красно-розовым праздником, который растёкся на половину неба, по вершинам невысоких гор и тёплыми, бархатными волнами окатывал двух людей, свидетелей торжественного прощания солнца с землёй.

Оно ещё царствовало, это горячее, наполненное безмерной внутренней силой проявление Бога в физическом мире, но уже начало обжигать горизонт, раскрасило тысячами искр-оттенков западное небо и больше не слепило глаза, как днём, на пике своего могущества. И оба человека одновременно почувствовали, что удостоились редчайшей возможности прикоснуться к Тайне: они видели солнце, они могли любоваться солнцем в те самые последние его земные ми-

нуты, когда светило, уверенное, что из-за деревьев и возвышенностей его никто не видит, выплеснуло напоследок из своей космической красоты самое сокровенное. И ещё оба подумали о том, какие они молодцы, что поднялись на эту, в общем-то, небольшую гору и увидели ТАКОЕ!

Когда экскурсовод предложил группе пройти ещё немного вверх, чтобы глянуть на окрестные леса с возвышения, согласились только двое – самые любопытные. Ему было шестьдесят, и в этой поездке он жадно всматривался в каждую достопримечательность и чуть ли не в каждый кустик, добирая в душу то, мимо чего незряче проходил в течение жизни. Она, десятилетняя девчонка, сама была достопримечательностью и одновременно головной болью тургруппы: всё интересное замечала первой, и резкие восторженные обращения к маме принуждали смотреть в нужную сторону весь автобус; оценку природным объектам, к которым их подвозили, давала таким взрывом эмоций, что после вскриков, визга и хлопанья в ладошки никто и не пытался что-либо добавить обыкновенными словами. Кроме того, этот сорванец

женского пола постоянно стремился разглядеть всё поближе, потрогать едва ли не каждый камень, поэтому ссадины на руках и, наверное, на коленях под джинсами соответствовали количеству осмотренных достопримечательностей.

Когда группу привели от автобуса к водопаду, народ за-

нялся фотографированием и многократным ощупыванием воды: «Какая холодная!» Но девочке было недостаточно просто обскакать по мокрым камням чашу с водой, а её фотографии обязаны были превзойти то, что выходило у прочих. Не обращая внимания на осклизлость мшистых выступов и туман ледяных брызг, она полезла выше самых храбрых туристов, потом ещё выше, и побледневшей маме, как и другим опасливым женщинам, пришлось состязаться голосами с падающим с десятиметровой высоты потоком, над шумом которого, впрочем, легко взлетал девичий возглас то детско-го восторга, то весёлого приказа: «Фотай!.. Ещё!.. И так!»

Минут через сорок водопадом насладились все, даже ребёнок. Тогда экскурсовод и объявил, что вернуться к стоянке можно двумя тропами: той, по которой пришли, или другой – по противоположному склону. Подъём на гору даёт возможность увидеть соседние вершины с их обрывами и каменными россыпями, а также значительную часть реки, которая – где шире, где уже – заполнила извилистые впадины и вот, почти спустившись в долину, устроила для людей зрелище водопада.

- Наверное, устала петлять между скал и – прыг вниз! – предположила девочка, и все заулыбались, одобряя её поэтичное объяснение.

Однако глянув повыше, на пару сотен метров узкой и крутой тропы, то каменистой, то глинистой, к тому же едва видимой среди изогнутых сосен и ёлок, туристы решили, что

на сегодня им красоты достаточно.

- Пока заберёмся – стемнеет, - сказал кто-то, и это стало общим мнением.

И только бодрый старик, который в автобусе сидел возле руководителя группы, шёл всегда рядом с ним, внимательно прослушивая информацию, объявил, что поднимется на гору.

- Дорогу-то видно оттуда? – спросил он на всякий случай.

- И дорогу видно, и даже стоянку с транспортом!.. Да там одна тропинка, кроме этой, её сразу заметно! – успокоил экскурсовод. – Подниметесь –

будет такой вытоптанный пятачок, булыжник, на котором все сидят, и деревцо с ленточками, как здесь! А слева от булыжника – широкая тропа вниз!.. Вы ещё раньше нас вернётесь к автобусу!

- Смотря сколько пробуду на вершине... - уточнил мужчина и пошёл вверх.

- Мама, я тоже хочу посмотреть оттуда на всё! – вдруг объявила любопытная девочка и, не дождавшись разрешения, сорвалась с места.

- Осторожнее! Только не беги! Не беги! – всё, что оставалось крикнуть беспомощной мамаше.

- Скорее мы упадём, чем она, - успокоили её остальные женщины, а экскурсовод посомневался и выбрал большинство.

... Мужчина сел на камень, стоявший точно посреди площадки.

- Да... - глубоко и с удовольствием вздохнул он. – Не каждый день увидишь такую красоту...

- Шикарно, - согласилась его спутница. – Я ещё никогда не видела такого... заката, да?

- Закат... Или – вечерняя заря.

- Вечерняя заря... - повторила она и начала фотографировать разрумяненное солнце.

Оба человека смотрели только туда, на сияющую картину из самых счастливых цветов и оттенков, и совсем забыли про красоты земные. Между тем в ущельях уже начала уплотняться и набухать синяя мгла, а верхушки деревьев в горах, что ближе к горизонту, тоже, как и небо, перекрасились в нежно-оранжевое и розовое. Слышно было, как живым голосом ровно бурчит водопад, а на подъёме надрывается усталый лесовоз.

- Сфотайте меня на фоне неба, - попросила девочка.

- Пожалуйста. Только покажи, как. А то я в этих смартфонах не очень...

- Всё просто!

Старик несколько раз нажал на кнопку, стараясь, чтобы фотографии получились столь же красивыми, как реальная картина заката. После этого

можно было уходить, но вторую тропу ещё не покрыла

мгла в отличие от той, на восточном склоне, и он не торопился. Девочка тоже продолжала смотреть на розовое небо, встав у края площадки и поглаживая маленькую ёлочку.

- Вот так и наша человеческая жизнь, - негромко сказал старик сам себе, не отрывая глаз от солнца. — Ярко вспыхнем в детстве, радостно взрослеем, поднимаемся до верхней точки карьеры и — пошли на спуск. Выгоревшие, остывающие, уходим за горизонт, и - нет нас. Тем-но-та...

- Оно же снова взойдёт, - возразила спутница, не оборачиваясь. — Завтра.

- Это будет уже кто-то другой, - продолжил взрослый своё сравнение. — Два раза мы не рождаемся...

Озадаченная девочка промолчала, а старик, не смущаясь тем, что ребёнок не поймёт или удивится философствованиям отживающего человека, продолжил размышлять вслух:

- И какой в этом всё́м смысл?.. Прошёл круг — и всё... Даже не круг, а полукружье... Пока «светишься», тебя все видят, а на «закате» жизни и тем более там, за «горизонтом», ты уже никому не интересен...

Последние слова он произнёс с раздражением, которое поднялось в мужчине откуда-то изнутри, покрыло лицо серой мрачностью и погасило в глазах краску неба, теперь бледно-розовую: солнечный шар наполовину утонул в земле.

Оба помолчали. Всё так же глядя на запад, но уже с разными чувствами оценивая закат.

- Нет! — вдруг решительно возразила девочка и оберну-

лась. – Вот смотрите: пока оно идёт над землёй, оно же светит, обогревает всё на земле! Поэтому и растут деревья, живут люди, звери! А не светило бы – ничего не было бы! Жизни не было бы!.. Пусть оно другое назавтра, как вы говорите, но и другое тоже всё согреет, и жизнь не исчезнет!

Старик удивился:

- Хочешь сказать, что смысл жизни – согреть мир... в свою очередь?.. Один пожил, осветил, согрел – ушёл из жизни, за ним другой. Так и сохраняем землю и людей?

- Наверное. Разве вы ничего в жизни хорошего не сделали?.. Вам вон сколько лет...

- Да сделал, конечно... - растерялся мужчина от такого веского упрёка. – Дети есть, внуки тоже... Почти твоего возраста... Работал честно, уважали. И сейчас консультирую, когда зовут помочь... Зла большого, вроде, никому не сделал...

- Вот видите!

- Ну, ты даёшь. Всё разъяснила... Слушай, юный исследователь солнца, а сама не боишься вот так закатиться? – он кивнул на узкую бледно-жёлтую полосу. – Через много-много лет?

Девочка явно смутилась, и он это заметил. Обратил внимание и на другое: она не стала опять поворачиваться туда и смотреть на исчезающее солнце.

- А я повыше поднимусь! Чтоб светить ярче и – всем-

всем-всем!.. И чтоб потом необидно было исчезнуть!

От стоянки долетел крик: девочку звали по имени, и оба туриста – молодой и пожилой – пошли к своим.

Долбящий

- ... Короче, раствор там очень крепкий. Добротнo дела-ли... гады...

- Не спеши с базаром, желторотый! Может, наш брат эк-штукатурил!

- С какого б это?.. Нашим – западло.

- Так не сейчас же! При Сталине или работай, или вышка!

- Блатные и при Сталине не работали... Разве пятьдесят восьмая...

- Вот-вот!

- Да обождите вы с этим Сталиным. Дайте человеку объ-яснить... Базарь, Долбящий.

- Только короче и без «короче»!

Долбящий, парень лет двадцати пяти, который только что вылез из-под кровати в углу камеры, начал подробно рас-сказывать о своём поединке со слоem штукатурки, покрыва-ющей кирпичную кладку. Когда три дня назад он пересту-пил порог «хаты», в которой предстояло дожидаться суда, старшие, уголовники с двумя-тремя «ходками», даже устро-или маленькое совещание, посвящённое вновь прибывшему. Не то, чтобы они затруднялись с определением места и ро-

ли гражданина Макарьева, просто им интересно было поразвлечься решением чужой судьбы, интересно было попугать новенького какой-нибудь унижительной «должностью» да и как не воспользоваться возможностью обсудить что-то свеженькое, когда обговорено уже всё, начиная от перспектив уголовных дел каждого из обитателей камеры до ярких впечатлений из раннего детства, вроде угона велосипеда у соседского мальчика-очкарика.

Макарьева определили долбющим, и название занятия стало его «погонялом», кличкой. Правда, некоторые насмешливо окликали его как Короче за часто произносимое бессмысленное междометие, но это только некоторые. А на первое место для новенького вышла задача за два месяца предварительного заключения проковырять-продолбить дыру в стене, чтобы установить прямую связь с соседями по несчастью. Долбющему вручили орудие труда – заточенную ложку, указали место, где отверстие трудно будет

заметить в случае шмона, и хлопнули по плечу, благословляя на важное и интересное дело.

О своих старых, тоже интересных делах Макарьев частично поведал в первый день заселения. Частично – потому что этих дел у него за последние лет десять было столько, что проще пересказать «Войну и мир». До ареста средствами для существования служили для него пенсии. Чужие. Днями и неделями Макарьев с напарницей выслеживали одино-

ких и желательно наивных и бесхитростных старушек, потом являлись к ним под видом то соцработников, то помощников депутата и, отвлекая красивой болтовнёй, обворовывали: «Короче, где-то у каждой второй лавэ отхватывали»... Со временем коллеги-мошенники ограничили пространство «работы» шустрой парочки одним районом города, а потом конкурентная борьба привела к тому, что их «сдали» свои же, и вместо очередной добродушной бабушки с чаем и печеньем их ждали «мусора» с наручниками.

- И тут шмара моя кричит: «Живой не дамся!», всех распахивает и – прыг в окно, которое в подъезде! Оно там открытое было!.. – рассказывал Макарьев про своё последнее «дело».

- А ты как же? Сиганул бы за нею. По-пацански, - смеялись сокамерники.

Макарьев смущался своего неблагородного поступка, но потом вспоминал:

- А толку? Второй этаж всего. Внизу нас тоже пасли. Эта дура даже ногу не сломала...

- ... Я в трёх местах пытался штукатурку протереть. Бесполезно, - продолжал объяснять Долбящий. – А вот тут, с полметра от ножки, - он показал на кровать, - нашёл-таки хорошее местечко. Штукатурка более-менее податливая. Короче, за полчаса сантиметр сделал. Может, даже больше.

- Дошёл до кирпичей?

- Пока нет. Думаю, ещё немного осталось. Хорошо будет,

если кирпичи какие-нибудь бракованные шли. Чтоб кололись и крошились. Тогда день-два – и готово... Братва там, за стеной, наверное, уже слышит, что мы долбим. Может, пойдут навстречу, тоже человека поставят?..

- Ты, Короче, стену не завали! А то похоронишь нас до времени!

- Может, и поставят. У них вроде тоже место подходящее...

В очередной раз на игру в карты накладывалось вялое обсуждение того, куда выйдет их дыра в соседней камере. При стандартном расположении «мебели» место это знали почти точно, но надо же было о чём-то поговорить. Долбящий, чтобы отдохнуть и подольше посидеть на полу, опершись спиной о кровать, вежливо вставлял в разговор фразы, которые затягивали обсуждение. Рассуждали о необходимом для устного или письменного общения диаметре дыры, о преимуществах дыр, «парашютов» и прочих способов передачи информации внутри тюрьмы. Наконец, Долбящий опрометчиво высказывал мнение о том, что ему больше подошло бы для работы крепкое, острое «перо», вроде того, что имелось у него «на воле», и хитреца загоняли под кровать.

- Чтоб долбил, как перфораторка!

- Только без шума, богодул...

К вечеру показался кирпич. Небракованный. Тёмно-красный и крепкий. За ужином поговорили о том, не лучше ли

было, если б Долбящий попал между кирпичами. Половина камеры высказалась за то, что раствор мог оказаться крепче кирпича. Некоторые вспомнили подобные попытки долбления из своей биографии и надавали Долбящему множество полезных советов. Он всё запоминал, выражал благодарность, но про себя сознавал, что ковырять стену будут не советы братвы, а ложка в его руках.

Все последующие дни шла борьба Долбящего с первым кирпичом. О свойствах алюминия, обожжённой глины, вредном воздействии на организм пыли, духоты и однообразной позы молодой заключённый мог бы теперь рассказывать часами. Но ему давали только несколько минут. С большей охотой сокамерники выслушали личную историю Макарьева, не связанную с преступлениями. Удивило и позабавило товарищей по несчастью то, что парень вырос в благополучной, интеллигентной семье, хоть и без отца, но с мамой-музыкантшей.

- ... Короче, доставала она меня со своим фортепиано конкретно! На работе пиликает, дома пиликает! Базарит: «Через музыку я общаюсь с Богом!» Типа, музыка, как молитва! Что-то такое!.. Мне-то по фигу: свои дела!..

О музыке, о матери и её оркестре подробно расспросили. Слегка и уважительно поспорили о музыкальных вкусах и преимуществах

клавишных, струнных и духовых инструментов. Долбя-

щий в обсуждении не участвовал: его работа шла очень медленно, хвастаться было нечем, и, когда он в конце дня измерял глубину дыры, оказывалось, что она стала больше лишь на один-два миллиметра. Некоторые предлагали внести изменения в технологический процесс, даже, наклонившись, заглядывали под кровать, чтобы оценить рабочий процесс, но в целом, вместо сочувствия, Долбящий получал нагоняи, упрёки в лени и даже угрозы наказания:

- Долби и не бзди! А то заберём инструмент и будешь долбить пальцем!

Когда через две недели оказалось, что первый кирпич ещё не пройден, а Долбящий завёл разговор о необходимости напарника, его загнали к месту работы, лишив права выполнять из-под кровати без особой необходимости. Теперь он появлялся среди людей только, чтобы поесть и справить нужду. Следователь им не интересовался, и дело о покушении на имущество старушки где-то дописывалось-доделывалось без участия обвиняемого, а скорее всего, лежало в каком-нибудь сейфе и созревало до своего двухмесячного срока, чтобы упасть, как созревший плод, на стол судьи.

Теперь Долбящий отчитывался о работе прямо от дыры. Его спрашивали о глубине, он измерял, сообщал и, получив указания, продолжал ковырять. Такое положение – подкроватное – его начало устраивать. Про трудягу могли забыть на несколько часов даже днём, и можно было вздремнуть. Контроль ослабевал ещё и по той причине, что авторитетные лю-

ди в камере иногда сменялись, и новенькие, которые не ставили Долблящему задачу, относились к нему равнодушнее.

Долбящий ковырял с усилием, когда уставал – ковырял без усилия, отдыхал, размышлял о чём-нибудь, прислушивался к разговорам в камере или к ходу карточной игры. Дыра, ложка, кирпич стали главными его собеседниками. От «ну, что же ты гнёшься», «камешек попался? Сейчас мы тебя...» и т.п. он постепенно переходил к длинным монологам. Поначалу громким шёпотом он хотел показать, что работает, а не лежит просто так, потом привык разговаривать, и средство работы, объект работы приобрели в его воображении определённые черты характера, а значит, к ним можно было соответственно обращаться, выражать отношение и – главное – осуждать и ругать. Очередная ложка сравнивалась с предыдущими, стёртыми в неравной борьбе с твёрдостью стены. Отверстие, увеличиваясь вглубь, делалось менее податливым для долбления и ковыряния и потому беспрерывно испытывало

удары проклятий и изощрённых матов. Иногда словесная борьба Долблящего с дырой привлекала внимание, и над сокамерником начинали подшучивать, намекая на его драматичные интимные отношения с «подругой».

Когда крошка сменила цвет и размер, Долбящий догадался, что пробил первый кирпич кладки насквозь. Это его так удивило, что он вылез из-под кровати и, не дожидаясь пау-

зы в разговорах, объявил о своей маленькой победе. На целый час камера вернулась к прежним рассуждениям о дыре к соседям и всему, что с нею связано, а Долбязшему позволили выпить чаю, выделив солидную порцию «рассыпухи». Авторитетному блатному, который вошёл в эту «хату» только вчера, поведали об оригинальной биографии Долбязшего, и герой дня – гулять так гулять – не только ещё раз подробно рассказал о маме и фортепиано, но и прибавил никем не слыханную прежде историю маминого второго замужества. Оказалось, что когда парню было тринадцать лет, в их жизни появился мужчина и тоже, как и мать, из сферы искусства. То ли женщина устала от одиночества, то ли (как она утверждала) хулиганистому сыну требовалась для воспитания крепкая мужская рука, но однажды через порог квартиры переступил «художник-оформитель с материной работы с бородой и двумя чемоданами». Он тоже пытался привлечь мальчика к искусству и добропорядочному поведению, тоже говорил, что есть другая жизнь, более привлекательная, чем пропуски школьных занятий, шатания по улицам и распивание пива. Он даже нарисовал портрет пасынка, где тот улыбался, был причёсан и одет в рубашку, а не в футболку с фото киношных вампиров.

- Да плевал я на этого бородатого Виктора! Я вообще перестал домой приходить! Только похавать да переодеться! Сдались мне его проповеди!..

Неизвестный эпизод из жизни Долбязшего спровоцировал

ещё один часовой разговор. Парня не осуждали и не хвалили. Говорили вообще за жизнь, о том, какие бывают повороты в судьбах и как на эти повороты влияют поступки родных и близких. Однако Долбящий слушал эти рассуждения уже из-под кровати. Срок его предварительного заключения подходил к концу, а работа едва ли дошла до половины, поэтому расслабляться было непозволительно.

Ковырять становилось всё труднее и труднее, но Долбящий не расстраивался. Он уже почти не ругал стену и дыру в ней, а спокойно и монотонно делал своё дело. Он привык. Долбление сделалось его жизнью. Желание выбраться наверх, посидеть за столом или полежать на мягкой

постели исчезло полностью. Он больше не старался затянуть время, когда ел; испытывая жажду, не вылезал тотчас же, а терпел, сколько можно. Впрочем, и дыра не была теперь целью его жизни, цели вообще исчезли. Он просто долбил и долбил. А когда после длительного перерыва его вдруг вызвали на допрос, Долбящий, идя по коридорам тюрьмы, придумал кое-что, дабы затянуть следствие. И у него это получилось. Вернувшись в камеру, он с чувством удовольствия залез «к себе», посмотрел на дыру как на что-то родное, с чем больно расставаться, и взялся за ложку.

Крестины

- И какой ты после этого крёстный отец?

- Нормальный отец! Лучше не найдёте! Что я, к внуку на день рождения не приеду, что ли?! Завсегда приеду!

- «Приеду»... Приедем.

- Ну, приедем! Хоть с тобой, хоть без тебя!

- Без меня – чтоб больше выпить?

- Сразу – «выпить»! Я за рулём не пью!.. Вот когда вылезу из машины, тогда другое дело! Ха-ха-ха!

- Вы бы хоть перед храмом не пререкались... Сват, ты что думаешь, крёстные только поздравляют крестников с именами и всё?

- Ну, могу на рыбалку взять, когда подрастёт! А что ещё?!

- Ещё много чего. Мы теперь не меньше, чем родители, будем отвечать за то, кем Дениска вырастет: человеком или разгильдяем.

- В нашей семье разгильдяев не было! Знаешь, какой у меня был дед?!. Цельный день в колхозе, а вечером за гармошку – и по деревне!..

- Разгильдяев у них не было, правда. Только пьяницы.

- Подожди, сваха. Я вижу, будущий крёстный совсем не слушал батюшку...

- Да на кой мне его инструктаж?! Сами в своей семье разберёмся! Что, наш Вовка и твоя Светка не вырастят ребёнка, как надо?!. Да они нам ещё одного или двух внуков народят!

- Я не против. Но пока у нас один внучок, и заботиться надо о нём. Родители будут кормить-одевать, учить да воспи-

тывать, а наша забота – в своё время объяснить ребёнку, зачем нужно носить крестик, как молиться Богу и Ангелу-хранителю, приучить ходить в храм хотя бы в праздники...

- Люда, о чём ты говоришь? Да для него та же Пасха – лишний повод «отметить это дело»...

- А что, не отмечать что ли?! Святое дело! Потянуть рюмашку-другую, яичком крашеным закусить!.. Батюшка, небось, тоже выпивает!

- Может, выпивает. Только на Пасху он здесь всю ночь и часов до шести, потом едет в Николаевку, где церковь без своего батюшки, потом в зону – тоже просят освятить куличи, потом в Дом престарелых...

- Вот это праздник! Вот это я понимаю! А МОЯ мне пить запрещает, работать запрещает! Мука весь день!

- Ладно, о Пасхе потом поговорим: служба начинается. А ты, сват, бросай свои отговорки. Нам, как будущим крёстным, надо всю обедню отстоять.

- Идите вдвоём! Вовка приедет – и я зайду!

- Ты же знаешь: дети не виноваты, что опаздывают. Дениска с утра закапризничал, может, приболел. Позвонили, что до крещения приедут.

- Конечно, приедут. Они ж так настроились... И нас настроили...

- Верно, Надя. Всё, Слава, пойдём.

- Сказал: попозже зайду, значит, зайду! Буду я там три

часа столбом стоять, маяться!..

- Опять своё заладил...

- Подожди, сваха... Да не стоять! Я ж тебе уже сколько раз объясняла, ЧТО люди в церкви делают. Не хочешь к Богу обратиться с молитвой – и он от тебя отвернётся. О детях проси, о внуке... о себе... Сколько народу вокруг мрёт от рака да от сердца! Сначала все гордые, как ты, и Бог им не нужен, а потом за что угодно цепляются, только бы ещё пожить!..

- О Боге плохого не скажу, я ж не какой-нибудь... Вон у меня в машине и иконка есть. Но часами тупо стоять – не для меня. Я лучше окна попротираю...

- Это – не «лучше». Пойдём, Надя, а то с твоим мужем и я нагрешу, а на ребёнке отразится...

Женщины ушли в церковь, а кандидат в крёстные отцы, раздражённый уговорами и упрёками свахи и жены, мысленно продолжил с ними спор. Больше всего Вячеслава Григорьевича возмущала женская нелогичность. «И

зачем полдня надоедать Богу?.. Зашёл, поставил свечку, перекрестился – и всё. Нет, стоят, стоят... Сколько времени попусту тратится... Я за это время машину помою, а Надюха два раза обед успеет сварганить... Да ещё обязанности какие-то придумали для крёстных... Их и на работе хватает. Я своего крёстного вообще лет двадцать не видел, пока тот не помер. Видать, в церковь сходили, выпили с батей и забыл, что я есть на свете... Крёстная хоть с днём рождения

поздравляла. И то, потому что - материна сестра, созванивалась с нею...

... В церковь Вячеслав Григорьевич вошёл, когда его сын привёз на крещение свою молодую семью. Невестка решила, что добропорядочный свёкор дожидается внука и будущего крестника и даже извинилась, что из-за них он ещё не на службе. После таких слов да под воздействием радостного, праздничного возбуждения, которое привезли с собой молодые супруги, мужчина уже не мог отсиживаться в машине и скрепя сердце поплёлся «надоедать Богу». Однако Вова и Света устроили ему ещё два испытания, прежде чем все четверо оказались в средней части храма. Сначала его молодёжь раздала деньги бедным, которых у церковных ворот оказалось человек пять-шесть, и Вячеслав Григорьевич растерялся, не зная, надо ли ему поступать так же и вообще есть ли у него в карманах какая-нибудь мелочь. Пока думал, прошли дальше. Но тут сын и невестка остановились у входа и несколько раз перекрестились, причём Вова кланялся с маленьким Дениской на руках. «Сына уронишь», - буркнул заботливый дед, однако ребёнок был спокоен и оглядывал всё кругом с большим любопытством.

Внутри Вячеслав Григорьевич, дабы чувствовать себя свободнее и не равняться на своих младших, встал отдельно, почти у входа. Соседями оказались мужчины чуть помладше его, один странноватый - с бородой, бедно одетый, да щупленькая старушка, низко опустившая голову и вся углублён-

ная в себя.

«Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа!» - провозгласил священник. «Благословенно», - согласилась Людмила Петровна, крестясь и делая поклон, и мысль о будущей жизни, где не будет ничего плохого, злого, жестокого, умилила её и примирила со всеми неприятностями последнего времени, которые как-то легко утеряти свою тревожащую силу, измельчали и резко сдвинулись в прошлое, в то самое прошлое, откуда даже большие потери, покрытые наслоениями последующих событий, уже не способны резануть нас острой болью. «Почему – Святаго, а не Святого? – подумал

Вячеслав Григорьевич. – Или так лучше: Святаго?.. Святаго Духа... Святого Духа... Ё-моё: опять не успел перекреститься. Бабка слева вон как крестится... И кланяется низко, хоть и старая... Подшипник надо менять... А лучше оба... Блин, хозяин с утра погонит на пекарню, скажет: «Потом сделаешь». А когда – потом? Потом развалится на ходу, и я буду виноват. А этот хрен скажет, что я не говорил... Опять кланяются...»

На «Миром Господу помолимся» Людмила Петровна перекрестилась с улыбкой и порадовалась тому, что в её душе нет ни одной недоброжелательной мысли. Зная, что в эти минуты батюшка просит самого Господа милостиво взглянуть на неё, равно как и на всех остальных присутствующих, жен-

щина подобралась вся, затихла внутренне и, хотя с некоторым страхом, но смело вручила себя Чистейшему взгляду. «Спасе милосердный, - обратилась она шёпотом, - прошу не за себя, недостойную, а за дочь мою Светлану, зятя Владимира, а особенно за маленького их сына Дионисия. Не оставь их, Господи. Даруй им счастливую жизнь, без горестей больших. Огради от злых, клеветников и завистников...» «Нет, точно скажет, - ещё раз беспокойно подумал Вячеслав Григорьевич. – Подлец ещё тот. Он всегда выкрутится. Васильич же расплачивался за свой счёт. Ни хрена себе, сколько платить, если подшивники разобьёт!.. Уволюсь нафиг... Чё он там шепчет?.. Ишь ты, сваха-то у меня красивая. Что-то не замечал... Скажу в понедельник про подшивник. Боялся я его...»

Какой-то мужчина одного с Вячеславом Григорьевичем возраста протиснулся вперёд, чтобы поставить свечку у большой иконы на правой стене, и мысли о подломе начальнике заместились попыткой угадать, кто этот человек. «Вроде, знакомое лицо, - уверял себя Вячеслав Григорьевич. – Чувствую, что где-то мы с ним пересекались, но где – хоть убейся: не вспомню... Может, раньше на автобазе работал?.. Нет, на водилу не похож... Да, пили мы там зверски. Санька, видать, от этого и помер... Скоро выпьем и сегодня. Оно хорошо с морозца... Беленькая, чистенькая... А потом пирожок с капусткой... Вон, выходит... товарищ... Надо ещё раз в рожу глянуть... А сваха меня ругает. Пожалуйста, зашёл

мужик, поставил свечу и сваливает... Вообще-то у него не крестины... Так и у меня пока не крестины... Не, точно я его где-то видел... Что они там поют – ничего не понять... Хотя поют красиво, можно послушать... Дениска если расплачется... А не работал ли он у Петрука? Был у него похожий зам... Стоп, он же уехал куда-то на Урал... Точно, наши тогда обсуждали... Сколько детей сегодня будут крестить?

Что-то я не спросил: а на крещении тоже долго стоять?.. Тогда лучше выйти, посидеть в машине, а то спина уже начинает уставать... Во, лезет, толстуха... Служба идёт, надо стоять смирно. Ещё пропускают её... А ведь его будут купать. Тогда обязательно расплачется... Сваха сказала, что мы с нею должны ребёнка держать на руках. А он ко мне ещё не привык, ёлки-палки...»

Запели антифоны, и до малого входа Людмила Петровна мысленно перемотала-перечувствовала все те события, от которых началась наша новая эра, при этом в сотый раз поражаясь божеской любви к человечеству, когда Тот, кому подвластно всё, смирился до простой земной жизни да ещё претерпел от глупых, жестоких и циничных людишек всяческое зло. «И никакой мести, - удивлялась она. – Наоборот, не ушёл от нас, а остался с нами навсегда...» «Да, - поразились и Вячеслав Григорьевич, - вроде бы иномарка, а сыпется, как будто на ней целую войну возили снаряды. Вот у меня ж машина ничего, а эта, на работе... Что-то сына не видно... Вышел, наверное... Конечно, Дениска здесь долго не выдер-

жит... Ещё пугается малец... Да вроде ж не плакал... А невестка-то молится, как положено. Это хорошо: если верующая – не загуляет... Как я загулял тогда с диспечершей... Сколько был уже женат?.. Два или три года... Куда это они выходят со свечами?.. По церкви что ли пойдут?..»

«В такой вот момент литургии, - вспомнила Людмила Петровна, - Серафим Саровский сподобился увидеть, как сам Христос шёл в сопровождении святых и ангелов. Какое великое счастье, что Он где-то здесь, рядом с нами. Можно быть спокойной за мир и за людей». «Да-а, Валька-диспечерша была тёртой бабой. Еле отделался от неё, - Вячеслав Григорьевич покачал сам себе головой. – А какая с неё жена?.. Не, разводиться нельзя было... Хорошо, что этот молодой появился у нас. Передал, так сказать, «сокровище»...А чего он разбился-то?.. Не помню. Я тогда уже уволился...»

Вспоминать дальше Вячеславу Григорьевичу помешала поясница, место в организме, которое у водителей первым объявляет, что приближается старость. А тут ещё начали кадить при чтении Апостола. Вячеслав Григорьевич растерялся, не зная, как себя вести, и, когда люди внутренне подобрались и исполнились строгости, готовясь к главному – чтению Евангелия, трусливо выскользнул вон. Он завёл машину, но не сел в неё – ещё не нагрелась, - а стал бродить вдоль церковной ограды.

Когда священник начал тайно читать молитву, в которой

просил Господа принять моления прихожан, Людмила Петровна, подняв взгляд к верху иконостаса, попросила Бога о здравии и благополучии всех своих родных. Упомянула она и свата. Тот уже сидел в машине и слушал радио. В церкви запели Символ веры, но мужчина развлекался другими словами:

Не уходи: мы ещё не всё сказали.

Не уходи: любви мы не добавили...

Родник

Дедушке, Курило П.Г., посвящаю

- Всё, первые две готовы! Отдыхаем!

Пожилой мужчина ткнул вилы в кочку, убедился, что они не упадут, и отошёл в тень. Мальчишка, его внук, примерился к копне.

- Ого! Выше меня! Добрая копыща!..

- Осядет...пока вывезем... - не оборачиваясь, ответил его дед.

Они спрятались под дубки, где стояла сумка с едой, одновременно и с удовольствием вытянули ноги. Старший оперся спиной на дерево, младший расположился полулёжа, подставив под голову локоть. Довольные тем, что перестало печь в голову, руки, спину, несколько минут молчали.

- ... Дедушка, а мы всё сено сегодня соберём? – спросил

мальчик, пытаюсь взглядом добраться до конца покоса.

- Конечно, всё... Ещё и накрыть надо: дождь обещают...
- А, теми плёнками, которые нёс я?
- Кусками плёнки, а сверху бурьяном, чтоб не сдуло.

Снова помолчали. Мальчик уже перестроился на другой лад: если с бабушкой, дядей и деревенскими приятелями он болтал о всякой всячине почти без перерывов, то с немногословным дедом старался говорить только важное. Впрочем, не потому, что учился ценить слова, а, скорее, играя в мудрого старичка. После, с друзьями, продолжая некоторое время разыгрывать эту роль, он вызывал у них удивление или смех. В их компании больше никто не общался со стариками, а вместо мудрости мальчишки получали только ежедневную порцию маминых поучений.

- ... Дедушка, а сколько у нас копён в этом году выйдет?

Мальчик хотел спросить, сколько их будет, но успел изменить вопрос так, чтоб не показаться лентяем.

- Да столько же, сколь в прошлом. Трава такая же.
- В прошлом было пять.
- Шесть, Толя... Было шесть, и опять мы с тобой шесть поставим. Поставим, а?
- Конечно. Жара вот только сегодня такая...
- Припекает, да... Так что надо поспешать... Ничего, поработаем, потом искупаешься...
- О, на речке, наверное, уже собираются...

Толя представил себе место для купания – высокий обрывистый берег и песчаную отмель на той стороне – и тех, кто приходил купаться раньше других. Это малолетняя компания из трёх пацанов, живущих где-то возле почты и магазина, загорелых дочерна, раздетых по пояс до самой осени. А ещё Толин двоюродный брат со своим соседом. Они, правда, сразу в воду не лезут, сидят на бережку, присматриваются, ждут сверстников или кого-нибудь постарше.

... Когда дед и внук сложили ещё две копны сена, они снова ушли отдохнуть в тень. Однако дух солнечного дня проник и под деревья: воздух нагрелся, сделался ватным, трава утратила свежесть, лёгкий ветерок накатывал жаркими волнами, будто старик и мальчик сели на полок в парилке. Нижние ветки молодого дуба покачивались и, наверное, представляли себя банными вениками.

- Да, старею... - вздохнул Толин дедушка. – На козу, считай, полстога, кое-как ставлю. А на корову уже бы и не смог...

- На козу с козлятами, - уточнил внук.

- С козлятами... А отец мой и дед по две коровы держали. Да телята, да бараны. И на всех вручную накашивали. Здесь ставили большой стог из двенадцати копыц, и на другом покое почти такой же.

- За речкой?

- За речкой.

Толя солидно выдержал минутную паузу и, глядя на по-

лосы ещё не

сложенного сена, спросил:

- Дедушка, может, ты б уже бросил этих коз? Тебе тяжело косить, сгребать, носить, перевозить, бабушке тяжело доить. У неё такие руки... А молоко можно и в магазине купить.

- В магазине?... Да, теперь в деревню привозят и молоко, и сметану... Купить можно всё, были б деньги...

- У вас же с бабушкой хорошие пенсии. И дядь Саша с вами живёт. Надо будет – мои родители помогут.

- Помогут, Толя. Конечно, помогут. Да не в деньгах дело... Жизнь так устроена, что надо всё время что-то делать. А перестанешь двигаться – погрёшь... Сам посмотри вокруг: всё движется. Рождается, растёт, стареет...

- Здорово было бы, если б жизнь замерла, - мечтательно сказал мальчик уже самому себе, наблюдая за огромным, похожим на какого-то мягкого крокодила облачком. – Чтоб это лето и каникулы не кончались, я оставался таким, какой сейчас, вы с бабушкой больше не старели, и эти красивые облака всегда были на небе. Или другие, но тоже красивые... Да они всегда красивые.

- А как же иначе, - улыбнулся дед. – Это ж ангелы небесные лепят из них какие-нибудь фигуры, разукрашивают...

- Дедушка, а там, на небе, живут люди? Там - рай? – подхватил внук, обрадовавшись, что его мечтательные слова нашли поддержку.

- Там?.. Кому и здесь рай, кому и в раю скучно. Вот ты видишь, что облака красивые, необычные, а многие и не замечают их ... ходят, уткнувшись в землю.

- Букашек разглядывают?

- Букашек... А мне, например, всегда вон тот осинник нравился. Сколько ни приходил на покос, всегда гляжу. Тоже – красиво... А иной человек только и подумает, сколько там было бы дров, ежели спилить... Или сколько денег выручит, когда спилит да продаст... Так что рай прежде всего в душе. А от души – в глазах. Смотри, любуйся вокруг – и будет тебе хорошо... А что, Толя, вода у нас кончилась?.. Давай-ка сходим к роднику, потом пообедаем и доделаем нашу работу.

- Я, дедушка, сам сбегая!

- Нет. Идти через болото, ну его... Я и напьюсь там свеженькой.

Они надели потные картузы – защиту от солнца, - прихватили термос и пошли по краю покоса.

С этой стороны к роднику тропинки не было. Сначала пришлось лавировать между высокими кочками, потом становиться на них, потому что начиналась вода. Некоторые кочки сильно проминались и едва не тонули в серо-зелёной жиже, густо покрытой растительной плёнкой, иные – словно ловушки – лишь наступишь, резко уходили в сторону, грозя оторваться и уплыть из-под ног.

Старик передвигался уверенно, привычно, иногда огля-

дываясь назад и давая советы. Его внук старался показывать ловкость, но, когда началось настоящее болото, оставил мальчишечью браваду и пошёл осторожно и медленно. Утонуть здесь было невозможно, но оказаться по колени, а то и выше в грязной, вонючей воде представлялось жутко противным.

- Гадкое болото... - ворчал младший, оценивая надёжность следующей кочки. – Лежит тут на пути у добрых людей и не высохнет... Кому оно нужно?.. Даже лягушек не видно, свалили отсюда...

В одном месте мальчик остановился отдохнуть. Кочка была высокая, плоская, и Толя огляделся. Болото, действительно, лежало – длинной, неширокой полосой, занимая всю низину. Одна её большая сторона касалась дедушкиного покоса и далее шла почти вплотную к лесу, который защищался от смрада густым вербняком. Другая ограничивалась искусственной насыпью, за которой – Толя знал – далеко тянулись бывшие совхозные поля, засеянные в этот год каким-то местным фермером. Вот там, на краю поля, и выбивалась из-под земли живая вода, до которой уже почти дошёл его дед. Мальчишка ещё раз окинул презрительным взглядом мёртвое пространство и похвалил себя за наблюдательность, которой он всегда завидовал у своих деревенских друзей: ветер – заметил он – совсем не шевелил даже самую высокую болотную траву, словно брезговал залететь сюда, где воздух был не только горячим, но и затхлым.

Когда мальчик вышел к роднику, его дед уже напился и набрал воды. Он не сидел, хотя здесь была тень и, словно кресла, лежали несколько валунов.

- Пей неторопливо: горло простудишь, - посоветовал старик, разглядывая поле, на котором желтеющий овёс перемежался с зелёными травяными островками.

Мальчик присел, ополоснул руки, а потом стал горстями набирать воду и медленно, смакуя, пить. Прервавшись, снова обмыл руки, лицо, вздрагивая от холода, который коротким удовольствием освежал и тут же улетучивался. И опять пил и пил.

- Смотри, пузо раздуется, как у водяного. Работать не сможешь, - улыбнулся дед.

- Вкусная... Настоящая... Жалко только: вытекает зря..
- Чего ж зря? Прямо до речки течёт, где ты купаешься.
- Я знаю. Мы там тоже пьём. Не в речке, а где ещё ручей отсюда.

Толя присел так, чтобы иногда касаться рукой воды, которая сбегала по умело сложенным камням маленьким водопадиком. Он бывал здесь прошлым летом, бывал позапрошлым, тоже помогая деду на покосе, и всякий раз родник представлялся ему весёлым и радостным существом, вечно юным, вечно свежим. «Сколько из него уже воды вытекло, а всё течёт и течёт, не кончается...» - подумал мальчик и замер: стайка ярких бабочек смело подлетела к лужице, ку-

да набиралась прозрачная вода, и села на её влажные края. Вздрагивая, бабочки начали пить. Оказалось, они были не одни: несколько пчёл и какая-то маленькая и суетливая жёлтая мушка, равнодушные к присутствию человека, тоже утоляли жажду чистой родниковой водой.

- Как здесь здорово! – воскликнул мальчик, думая разговором задержать деда у красивого, прохладного места. – Не то, что на том противном болоте!

- Да, хорошее место. И тропка, смотри-ка, не заросла. Приходят люди...

- А тут кое-где дикая малина растёт. Малину собирают и сюда приходят попить. Семёновы постоянно собирают всей бандой, и ещё какая-то тётя ходит, не знаю фамилии...

- Малина – это хорошо. Ну, что, пора нам пообедать? Только бабушка ничего магазинного не положила. Всё домашнее: яйца, лук, сало, оладьи...

- Домашнее лучше.

- Тогда двинемся. У нас ещё работка...

Вычёркивание

- Здравствуй, инспектор? Узнаёшь коллегу, старина?

Полуседой старик оторвался от созерцания окружающих и поставил на стол поднятый уже на уровне лица стакан с пивом. В баре было ещё малоллюдно, но тот, кого называли ин-

спектором, занимал место в самом углу помещения.

- Стоило бы тебя забыть, малыш... Да ты нынче стал таким известным полицейским... Все городские репортёры только тобой и занимаются...

Старик снова взял стакан, отхлебнул, едва заметным жестом пригласил сесть. Его знакомый тоже заказал себе выпить, устало откинулся на спинку стула и принялся в упор разглядывать знакомого. Тот же, наоборот, будто совсем забыл о собеседнике, встречал любого входящего внимательным взглядом да, смакуя каждый глоток, тянул своё пиво.

- Я рад, что ты не ушёл в себя. Люди и преступления тебя ещё интересуют.

- Привычка, малыш... Собака и та привыкает лакать в одном месте... И я рад, что в городе, в котором я прожил шестьдесят четыре года, есть полицейский, лихо расследующий убийства.

- Ну, это громко сказано. У меня порядком нераскрытых дел. А вот теперь мне нужна твоя помощь.

Отставник не стал скрывать, насколько его удивили последние слова. С минуту он молчал.

- Не думаю, что ты способен обидеть насмешкой пенсионера. Когда ты начинал сопляком, то нечасто бегал ко мне за советами... хотя был довольно глуп и горяч... Что взять с полицейского, который прикончил свою карьеру отказом расследовать убийство?..

- Я плохо знаю ту историю, старина. Но ты прав: я не шу-

чу. Мне действительно нужна помощь опытного человека... Очень опытного... Такого дела у меня не было...

- Когда долго работаешь над расследованиями, редко бывает что-то совсем новое... Люди неоригинальны... Тебе надо покопаться в картотеке.

- Я не любитель аналогий. Иногда они только сбивают с толку. А в этом случае их, похоже, вообще не существует.

Старик снова помолчал, заказал себе ещё пива, косвенно показывая, что согласен выслушать, сделал глоток с таким видом, словно проверял, то ли ему принесли, что требовалось, и только после этого выдавил из себя довольно продолжительную для немногословного человека речь.

- Знаешь, малыш, я люблю здесь сидеть... Есть всегда-таи, и новых людей всегда хватает... Что может быть интереснее, чем человек?.. Я смотрю на них, пытаюсь раскусить по старой привычке, люблюсь красивыми девушками. Я ведь ещё не выгляжу совсем дряхлой развалиной?.. Ты можешь рассказывать своё дело... Я буду слушать, ты мне не помешаешь... Честно сказать, я с самого начала знал, что из тебя получится толковый инспектор... Не думай. Когда мы работали вместе, ты был ни на что не годен... Просто, в двадцать пять лет я был таким же... Всё надо было расставить по полочкам... даже если не вмещалось...

Бар заполнила молодая компания. Парни, девушки одновременно пили, жевали, танцевали, шумно обсуждали что-то весёлое, и обстановка сразу переменялась. На смену блю-

зам пришли подвижные ритмы, замелькали огни цветомузыки. Переговариваться пришлось громче.

-... Пуля прошла сквозь черепную коробку практически навылет. Выстрел был произведён метров с двух. Смешно, этот человек всю жизнь боялся быть застреленным. Старушка, его мать – ей почти восемьдесят – рассказывала, что в детстве у него ни разу не было игрушечного оружия. Он никогда не играл в войну... В общем-то, и друзей у него тоже никогда не было. Старушка только-только похоронила своего сына, но ни единого хорошего слова об убитом я от неё не услышал. Удивительно, не правда ли?.. Но это так, к слову. Жизнь этого человека – одна сплошная неприятность, однако причин убивать его мы не обнаружили, хотя перетрясли добрых три десятка граждан города, добропорядочных и не очень... Это не ограбление, это не месть, это не случайность, это вообще ничто... Мне кажется, что самое странное в этом деле то, что он вообще лежит на кладбище, а в заключении эксперта написано про гибель от выстрела в голову. Заметь, от выстрела из несуществующего пистолета. Оружие исчезло из квартиры, в которой дверь и окна были заперты – и основательно – изнутри. Это проверено, и сомнений на этот счёт нет... К сожалению... Однако ещё меньше оснований для версии

о самоубийстве. Смерть наступила мгновенно, а оружие исчезло... Я неплохо покопался в душе этого человечки.

Впрочем, душа его сейчас далеко. Итак, могу сказать с полной уверенностью: он не из тех, кто накладывает на себя руки... Шантажировать его не могли. Наоборот. Этот человек сам держал в страхе всех своих соседей. Точнее, никакого страха не было. Они просто презирали его. Он был для соседей пустым местом. Они не хотели говорить плохо о мёртвом, но в этом случае им попросту нечего было говорить. Об этом долго рассказывать... Он лежал посреди комнаты, как поражённый громом. Выстрел, очевидно, отбросил его. Об этом свидетельствуют опрокинутый стул, сдвинутое кресло. На левом предплечье убитого остался синяк от удара о кресло... Несколько дней мы мусолили версию о семейной ссоре. Хотя правильно было бы сказать, что семьи у этого человека давно не существовало. Два года назад они с женой развелись, но и до этого лет шесть вместе не проживали. Сначала его жена ушла к матери. Да, ушла одна: детей он не хотел с самого начала. Странно, да?.. Ну, а потом ей подвернулся один человек. Получив развод, женщина вторично вышла замуж. Первый муж не возражал, не скандалил. Бедная женщина вышла из-под власти своего домашнего деспота и наконец-то в сорок с лишним лет получила своё от жизни. Не скрою: эта смерть несколько не расстроила бывшую супругу. Даже наоборот. И, поверь, у неё были на то основания. Я сам не подарок. Может, потому и не женился до сих пор. Впрочем, с нашей работой... Но этот!.. Что ещё?.. Квартира нами перевёрнута вверх дном: ничего интересного. Отпечатки

пальцев – только хозяина. Куча свидетелей, которым обязательно попался бы на глаза убийца. Однако звука выстрела не услышал никто... В квартире ничего не исчезло, да особых ценностей, со слов жены, у него и не имелось.

На этот раз старик сразу ответил на вопросительный взгляд. Суровые, словно от морских ветров, черты лица его сдвинулись и превратились в усмешку.

- Если нет убийцы, орудия убийства, мотивов убийства, как ты уверяешь, то убийства не было.

- Убийство ли, самоубийство ли, но вопреки всему оно было. Этот гадкий человечиска раздражал всех при жизни и умудрился погибнуть так, что вызывает раздражение и после смерти.

- Значит, Господь наказал его за грехи...

- Спасибо за версию, старина. Ко мне уже подходили с чем-то подобным. Даже давали телефоны ясновидцев и каких-то там магов. На нашем отделе висит убийство, и мне нужна помощь, потому что я в тупике.

- Хорошо... Квартиру можно закрыть, уходя, так, как будто изнутри.

- Проверяли. У этого господина, видно, были проблемы с психикой из-за одиночества, поэтому засовов хватало. И эксперт, и наш внештатный консультант в преступном мире – одного мнения. Так что отпадает.

- Кем был обнаружен труп?

- Как ни странно, полицейским. Торговец в магазинчике напротив обратил внимание, что там никто не гасит электрический свет, хотя день в разгаре. Квартира торговца – над магазином, и он вспомнил ещё, что свет горел там всю ночь. Выслушав всё это, патрульный полицейский заподозрил недоброе и пошёл выяснять. Дверь взломали и не без труда...

- Смерть наступила ночью?

- Ещё вечером. Примерно в двадцать тридцать. Я знаю, что ты подумал. Да, в это время ещё не было необходимости пользоваться электричеством. Но таков этот человек. Зато он всегда скандалил при оплате счетов, особенно за аренду жилья.

- Не мешает ли тебе, малыш, предвзятое отношение к убийству?

- Хм... А я так скажу, старина: другое отношение невозможно. Только на минуту представь себя его соседом. Ты не посмеешь крикнуть в своей квартире, не говоря уже о том, чтобы поскандальить. А если не сдержишься, то тебе придётся каждый раз доказывать свою добропорядочность полиции, инспекции по охране прав малолетних, службе охраны животных и ещё кому-нибудь. Всех этих ребят натравит на тебя твой сосед, даже если в твоей квартире нет детей или кошек, над которыми ты якобы издеваешься. В то же время этот любитель животного мира не позволит тебе прогуляться со своей собакой в радиусе двух километров от дома равно

как и припарковаться. Он добился ликвидации автостоянки у того самого магазинчика, хозяин которого поднял тревогу, когда убили нашу жертву. В его доме в два раза чаще делали ремонт, чем где-либо. В два раза чаще забирали мусор. На этом доме никто и никогда не смел повесить рекламный щит... Ты скажешь: «Как много людей, желавших его смерти...» Много. Но среди них нет ни одного, кто мог бы убить этого зануду. Его презирали – да, над ним смеялись – да. Но убить...

- Где он жил раньше?

- Больше нигде. Всю жизнь – в одной квартире. С матерью, с женой, сам...

- Дом старый?

- Там нет чёрных ходов и тому подобного. Оконные рамы и стёкла в порядке, ничего свежего. Пол, потолок, стены к соседям – тоже. Мы даже опросили жильцов на предмет полтергейста. Ничего подобного в доме не наблюдалось. По крайней мере, последние двадцать лет.

- Из чего он был убит?

- А вот тут одна из главных загадок. Пуля прошла навылет и исчезла. Выстрел был произведён из пистолета среднего калибра, а установить точнее не получилось.

- Эх, вы, не определили оружие...

Старик усмехнулся, подкурил и занялся разглядыванием танцующих. Его молодой собеседник сначала немного вспылil, потом, очевидно, убедившись, что в последних словах

отставника не было насмешки, тоже достал сигарету, стакан с пивом взял в другую руку. Внимание его привлекла светловолосая девушка с крупной, но ладной фигурой, красивой, плавной жестикуляцией, которая сидела у стойки с рюмкой чего-то в руке, поставленной на локоть, и весело болтала с двумя мужчинами. Она была безукоризненно красива, но настораживала некоторая развязность её манер.

- Не пялся, малыш. Эта девка стоит твоих доходов за целый месяц.

Слова отставного инспектора, громко сказанные, заставили его бывшего коллегу вздрогнуть.

- Она проститутка?

- О, это не женщина, а пантера. Молодые влюбляются в неё, несмотря на ...род занятий. Но она упорно продаёт свою красоту только старикам или уродцам... Предыдущий бармен влопался в неё по уши... Красавец, добряк... Предлагал выйти за него, уехать. Куда там. Напилась, разделась, плясала

полуголая... А потом ушла с каким-то азиатом в пять раз более седым, чем я... Ей бы стать кинозвездой, радовать людей, но... Кстати, ты ничего не рассказал о профессии своего подопечного.

- Полная ерунда. Сидел в муниципальном управлении по градостроительству и рисовал проекты. Жалкое зрелище. Я их просматривал. Какие-то автомобильные стоянки, пере-

крёстки с круговым движением, маленькие скверики с фонтанчиками... Его жена рассказывала, что в молодости он проявлял признаки чуть ли не таланта, участвовал в проектировании больших мостов, что-то там хитрое выдумал... Со временем – а это наступило очень быстро – предпочёл куда не ездить, работать тихо, спокойно, рутинно.

- А говорили, он уехал...

- Ты о ком, старина?

- Видишь кучерявого парня в чёрной футболке?.. Это тот самый бармен, что работал здесь прежде.

- А, несчастный воздыхатель твоей красавицы?.. Где же она сама?

- Вон танцует... С нею один из постоянных клиентов. У него сеть баров в нашем районе, включая и этот.

- Ты что так насторожился? Думаешь, будет разборка?.. Вот видишь, парень спокойно выпивает. Нормальная реакция нормального человека: смирился и успокоился.

- Похоже, что так... Может, решил набраться...

- И прекрасно. У малого появился лишний повод хорошо выпить, а расстраиваться из-за женщины – это для глупцов.

- Любовь – тоже непростая штука... Беда в том, что у него никаких шансов. Она привыкла жить по-своему.

- А ты был прав: парень и в самом деле старается напиться. А она – как выплясывает! Неужели и меня лет через двадцать-двадцать пять ждёт пенсия с такими вот развлечениями?.. Нет, уж лучше пусть меня застрелят. Как только за-

пахнет старостью и руки начнут дрожать не только после перепоя...

- Что-то не нравится мне выражение его лица...

- А что в нём особенного?.. Подожди, ещё рюмка, и сам пойдёт плясать со своей бывшей подружкой и бывшим хозяином... Во, уже пошёл.

В следующие несколько минут бывшие сослуживцы явились вместе с другими посетителями бара свидетелями ужасной сцены. Кучерявый парень, до этого выпивавший у стойки рюмку за рюмкой, нетвёрдой походкой вклинился в группу танцующих и остановился в двух шагах от знакомой ему парочки. Девушка, и без него выплясывавшая довольно нескромно, как будто специально разошлась ещё пуще. Это был танец совратительницы. Руки её ложились то на плечи партнёра, то на бёдра, то скользили по его груди и ногам, а сама она, извиваясь всем телом, опускалась в такт музыке на корточки и, так же извиваясь, поднималась, чтобы броситься своему мужчине на шею, повисеть так с секунду, оторвав ноги от пола, отпрыгнуть от него и снова виться змеёй, удлиняя тело поднятыми вверх руками. Партнёр подыгрывал ей, а его неточные, широкие движения говорили о порядочном опьянении. На своём отставном приятеле красавица даже не остановила взгляд. Он постоял с минуту, что-то достал из кармана брюк и резко плеснул какой-то жидкостью девушке в лицо. Дикий крик ударил по ушам. Музыка заглохла. Пре-

ступника хватали за руки, хотя он не пытался оказать сопротивление. Девушку увели. Всё смешалось, только цветомузыка по-прежнему цинично швыряла блики на суетившихся людей. Обоим полицейским – бывшему и настоящему – пришлось вмешаться. Пострадавшую с обожжённым кислотой лицом скорая помощь увезла через несколько минут. Формальности уголовного характера были улажены через час после прибытия патрульных машин.

Подавленные и скорее уставшие, чем отдохнувшие после проведённого в баре вечера, который закончился такой жуткой сценой, собеседники вернулись к своему разговору о таинственном убийстве лишь тогда, когда прогулка по ночному городу, свежий ветер и беззаботные прохожие немного отвлекли обоих и когда разными замечаниями, касающимися посторонних предметов, они рассеяли тягостное настроение, овладевшее ими в злополучном баре после покушения оскорблённого любовника.

- Я тебе расскажу, почему мне пришлось уйти из полиции...

- Слушаю тебя, старина. Ещё одна такая неудача, и, возможно, мне тоже придётся оставить эту работу...

- Ты не виноват... Виновник уже наказан...

- Не понял.

- Да ведь жертва может быть и виновником... Ладно, послушай мою историю... Не буду вдаваться в подробности... Вон уже видно мой дом... Некий торговый агент умер

в туалете своей фирмы... Признаки смерти от удушения при полном отсутствии возможности убийства... Я копался три недели, а потом отказался от расследования... Это был монстр, чудовище в образе человека...

- Так-так. Кто-то обвинял меня в предвзятости к убитому...

- Дело не в моём отношении... Этот человек просто не должен был жить... От него жутко страдали все окружающие... Понимаешь, на всём свете он не нужен был ни одному человеку... Ни одному... Зачем ему жить?.. Он противоречил самой жизни, и она вычеркнула его из списков живых. Так что искать убийцу я посчитал делом бессмысленным...

- Всё это философия. А как же быть с фактами? Ведь чьи-то руки задушили его.

- Объясни мне, чья рука застрелила твоего подопечного.

Старый инспектор посмотрел вверх, очевидно, на балкон своей квартиры, пробурчал что-то вроде «вот я и дома» и пошёл в подъезд. Его собеседник так ничего и не ответил, поднял голову к ночному небу, вздохнул в полную грудь и сказал сам себе негромко: «Какие красивые сегодня звёзды...»

Уроки истории

- Проходите, пожалуйста!.. И вы!.. Не оступитесь!..

- А давайте мы вашего ребёнка прямо в коляске подыдем?! Не беспокойтесь: мой друг даже вас может поднять

без напряжения!

- Конечно, подыдем!.. Пожалуйста, бабушка! Я подам вам сумку, подам!

Два парня-приятеля напустили на себя повышенную вежливость и с ироничными шутками в адрес пассажиров и самих себя пропустили в дверь общего вагона всех, с кем предстояло ехать.

- Смотрите, будете стоять: вагон полный, - посочувствовала им проводница, проверив билеты.

- Ерунда: пойдём в вагон-ресторан и будем пьянствовать до самого дома!

- Студенты, - догадалась женщина. – Те, кто сидят в ресторане, в таких вагонах не ездят...

- Те, кто сидят в ресторане, людям не помогают, - важноотреагировал один из парней, и оба заскочили в поезд.

Внутри вагона они сразу увидели, чем может обернуться доброта: народ занял все нижние места, вторые полки оккупировали дети.

- Давай опустим столик сбоку, - предложил один.

- Осмотрим весь объект, - решил второй.

Они медленно двинулись по проходу, всё с той же нарочитой вежливостью переступая через сумки и ноги, и в последней секции нашли свободные места. Здесь сидели четверо: лицами по ходу движения – женщина лет пятидесяти пяти-шестидесяти и девушка, которая уткнулась в самый угол у окна и – взглядом – в свой телефон. Места напротив зани-

мали ещё две девушки, сверстницы первой, которые смотрели в окно и обсуждали происходящее на перроне: там ходил кто-то из их знакомых. Обе боковушки были заняты какими-то большими казенными сумками.

Парень побойчее сразу бухнулся спиной к остальному вагону, оставляя приятелю не столь привлекательное место возле пожилой женщины. Тому пришлось размещаться уже под внимательными взглядами девчонок: все три с интересом оглядели новых попутчиков. Оттого парень покраснел, сделался неуклюжим и толкнул женщину. Шустрый приятель избавил его от необходимости раскаиваться и извиняться:

- Скажите, пожалуйста, - громко обратился он ко всем, - этот поезд идёт до Парижа?! Нам сказали, что можем доехать без пересадок!

Молодые соседки прыснули. Девушка в углу пристально посмотрела на шутника. Он улыбнулся ей и, не отводя от неё взгляда, продолжил в том же духе:

- Видите ли, мой друг получил предложение читать лекции в Сорбонне, а я решил сопровождать его: он совсем не ориентируется за границей! Кстати, прошу любить и жаловать: Максимилиан, без пяти минут доктор исторических наук! Для близких – просто Макс!

- А это будущий главный строитель дорог нашей области Алексей! – добавил историк. – А вы, девушки, похоже, наши собратья – тоже учитесь?!

- Скорее, со-сёстры! – уточнил почти инженер. – Не желают ли мадемуазели представиться?!

Девушка в углу отвернулась от пристального взгляда и промолчала. Её подруга, соседка шутника, оказалась менее стеснительной:

- Я Аня. Рядом со мной наша отличница Виктория. А она Ира. Твой друг угадал: мы учимся. В технологическом. Все на втором курсе.

- Очень приятно! Очень, очень приятно! Техкол уважаю! Очевидно, машинист поезда только и дожидался, когда молодёжь в хвосте общего вагона перезнакомится: состав тут же тронулся. Девушки снова о чём-то зашептались, глядя на перрон, где люди, стоя на месте, умудрялись убежать, а старшая участница компании, которую никто не попросил представиться, добровольно обозначила себя:

- Сейчас начнётся... Я про туалет. Сейчас начнут все ходить, хлопать...

Видно, у её молодых попутчиков, пробежали в головах одни и те же мысли, потому что сначала на их лицах отразилась досада («Да, будут хлопать. Тем более в вагоне много детей»), потом сочувствие («Историку не повезло: сидит у самых дверей»).

- Виктория, вы действительно отличница? – спросил будущий историк. – Ведь это очень трудно...

Девушки переглянулись – почему-то с усмешками. Видя, что ответа не последует, Алексей снова вернулся к управле-

нию разговором:

- Макс потому спрашивает, что сам отличник!

- Я не отличник. Не обманывай их.

- Наверное, специально расхваливаешь своего друга, - сказала Аня.

- Совсем не обманываю! Он отличник, в смысле, всё знает! всю мировую историю! От этих...неандертальцев до сегодняшнего дня! Не верите – проверьте!

- Да ну! – впервые заговорила Виктория, и голос её оказался низким, почти мужским. – Всё знать невозможно. Там же эти всякие...даты, фамилии. Как их запомнишь?..

- Они хвалятся перед нами, - поддержала подругу Ира. – Инженеры, историки... Куда бы деться...

На этот раз девушка выдержала взгляд разговорчивого попутчика, и оба друг надруга ухмыльнулись.

- Опрометчиво сомневающаяся Ирина, - торжественно, стараясь показаться оскорблённым, заявил Алексей, - если ты дашь мне номер телефона, я переброшу тебе свою последнюю курсовую, которая, не побоюсь этого слова, вызвала фурор среди преподавателей соответствующей кафедры и, возможно, станет новым словом в дорожном строительстве, которое в нашей стране пока не отличается высоким качеством.

Девушки засмеялись, а Виктория и Аня несколько раз повторили: «Не побоюсь этого слова».

- Как же! – возразила Ира. – Я первым встречным телефон

не даю!

- Но Аня не согласилась с подругой:
- Да продиктуй. Посмотрим, что там за курсовая.
- Сама продиктуй.
- Не у меня ж просят.

Ира покраснела, уловив двусмысленность, но согласилась.

- Так что там с мировой историей? – спросила Максима по диагонали Виктория.

При этом женщина, которая тоже общалась, только молча – с пакетиком семечек, решила, что обращаются к ней:

- С кем?

- Не сочтите за хвастовство, - ответил Максим, - я действительно знаю всю историю наизусть. Что-то учил по обязанности, что-то – из собственного интереса.

- Спроси его, когда началась Великая Отечественная война, - предложила Аня.

- Ну, нет. Это слишком легко. Даже я знаю. Придумай что-нибудь потруднее.

- Тогда какой-нибудь трёхсотый год или пятисотый...

- Точно. Максим, что произошло в 300 году?

Студент-историк отодвинул плечо, пропуская людей в тамбур, посмотрел на приятеля, который уже писал что-то Ире, загадочно поглядывая на неё, и деловито сощурился:

- В трёхсотом году до нашей эры или нашей эры?

Подруги немного удивились тому, что такого года оказалось два.

- Ладно, нашей, - решила Аня.
- В этот год, девушки, произошли очень важные события.
- Какие?
- Очень важные.
- Так я и думала, - скривилась Виктория. – «Всё знает», «всё знает»...

Историк с улыбкой наблюдал за обеими и, увидев, что их разочарование дошло до максимума, продолжил:

- С 284 года по 305 в Древнем Риме правил император Диоклетиан. Его разнообразные реформы укрепили государство. Правда, он преследовал христиан, зато добровольно отказался от власти.

- ... И что, больше не было императоров? – не сразу спросила Аня.

Максим усмехнулся:

- Следующим был знаменитый Константин. Именно он основал город Константинополь. Это 330 год нашей эры. А ещё он придумал сделать воскресенье выходным днём.

- Что, уже тогда? – удивилась пожилая соседка историка.

- В 321 году, - уточнил эрудит.

- Ирка, ну, и что там за суперкурсовая? –вернулась к прежнему разговору Аня.

Её подруга, поглощённая чтением, выразила удивление:

- Курсовая?..

- Дай посмотрю, - протянула Аня руку.

Ира испуганно прижала телефон, смутилась:

- Не дам. Тут личное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.